

УДК 336.71

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-3-45–53

К.Н. Максимов

Участие калмыков в Первой мировой войне

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН; Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8; maximov.maxim92@yandex.ru

В статье проанализировано участие в боевых действиях и военно-тыловой работе калмыков вместе с другими народами страны в Первой мировой войне. Рассмотрен вопрос помощи, которую они оказали, обеспечивая армию лошадьми и другим видом скота, продовольствием и деньгами. Однако участие калмыков в боевых действиях, в тылу, работа на передовой, общение с революционно настроенными солдатами, происходящие в стране общественно-политические процессы и т. д. оказали большое влияние на формирование их мировоззрения и политических взглядов. Акцентировано внимание на том, что по мобилизационному плану донские военные строевые части выступили своевременно и находились в установленных местах дислокации в составе соединений Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. Калмыки-казаки, не выделявшиеся по национальному признаку, служили почти во всех донских казачьих полках и других военных частях. Впоследствии многие из них оказались втянутыми в водоворот революционных событий, приведших к раздвоению государства калмыцкой общины в Астраханской губернии, как и в донском казачестве.

Ключевые слова: *калмыки, казачий полк, война, Россия, революция.*

Введение

В 1914 г. Россия оказалась втянутой в кровопролитную войну мирового масштаба на стороне одной из противоборствующих коалиций. Вопреки утверждению в историографии о том, что калмыки, как находившиеся «вне европейской России», «были исключены из планов мобилизации» [1], более 4 тыс. калмыков-казаков несли военную службу и воевали в составе донских казачьих военных частей на фронтах Первой мировой войны. В это время в области Войска Донского проживало 32 915 калмыков, равно-статусных казачеству. Калмыки Поволжья (Астраханской губернии), численность которых составляла 142 691 человек, несмотря на освобождение от воинской службы, как и другие народы, причисленные к «инородческому населению», были привлечены на военные тыловые работы. Кроме того, в соответствии с существующим законом каждая калмыцкая семья (кибитка) облагалась военным налогом, который исчислялся в зависимости от количества домашнего скота.

Помимо денежного военного налога калмыцкие улусы в связи с объявлением 18 июля 1914 г. мобилизации в стране срочно приступили к сбору и поставке на фронт по реквизиции лошадей, а также иного вида скота на транспортные и продовольственные нужды армии.

Планы по мобилизации военных частей

Накануне войны по мобилизационному плану донские военные строевые части выступили своевременно и находились в установленных местах дислокации в составе соединений Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. В области Войска Донского

на начало 1914 г. в 2 гвардейских и 58 номерных донских казачьих полках, отдельных и особых сотнях, артиллерийских дивизионах числились 2308 генералов и офицеров, 88 249 нижних чинов, в т. ч. 3760 калмыков-казаков. Из них в 53 полках (2 гвардейских и 51 номерном), находившихся на западном предстоящем театре военных действий (в армиях Северо-Западного и Юго-Западного фронтов), числились: генералов и офицеров – 2 125, нижних чинов – 77 817, в т. ч. 3 138 калмыков-казаков. В Кавказской армии – 3 донских казачьих полка (38 офицеров, 1630 строевых и 125 нестроевых казаков), 10 отдельных сотен (25 офицеров и 1 450 казаков) и 1 Донская казачья пешая бригада в составе 4 батальонов (92 офицеров, 4 607 строевых и 578 нестроевых казаков). Остальные 4 донских полка и 1 отдельная сотня располагались в других местах. Всего на Кавказском театре военных действий в 1915 г. в личном составе указанных частей числились 155 офицеров и 8 390 казаков, в том числе 296 калмыков⁵.

Служба калмыков-казаков во всех донских казачьих полках и других военных частях

Калмыки-казаки, не выделявшиеся по национальному признаку, служили почти во всех донских казачьих полках и других военных частях. Например, в лейб-гвардии Атаманском Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полку, по неполным данным, служили 23 калмыка-казака, в т. ч. 9 Георгиевских кавалеров, в 5-м Донском казачьем генерала Власова полку – 25, в 19-м Донском казачьем полку проходили службу 26 калмыков, в том числе войсковой старшина Н.Ц. Мангатов и полковник Б.Л. Мангатов (затем в 15-м Донском генерала Краснова 1-м полку), в 22-м – 31, в т. ч. полковник Г.Э. Тепкин, в 26-м – 22, в 39-м – 37, в 43-м – 11, в т. ч. старший урядник Ока Иванович Городовиков, будущий генерал-полковник Красной Армии

и т. д. В составе донских казачьих полков они участвовали во многих крупных наступательных и оборонительных сражениях (в боях за Гумбиннен, на реке Гнилой Липе, за Львов, Люблин, в Томашевской баталии, Карпатах, Брусиловском прорыве и др.). Во время разгрома в августе 1914 г. 2-й армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова из окружения удалось вырваться 6-му Донскому казачьему генерала Краснощекова полку, 21-му, 38-му и 40-му донским казачьим полкам. Не смогли пробиться вместе со штабом 2-й армии 15-я и 20-я донские отдельные сотни.

По наградным документам многих донских казачьих полков удалось установить о награждении в 1914–1915 гг. значительного количества калмыков-казаков Георгиевскими крестами и георгиевскими медалями. Так, в лейб-гвардии Казачьем Его Императорского Величества полку урядник Даржа Попов был удостоен Георгиевского креста 4-й степени за подвиг, совершенный 23 октября 1914 г. в разведке в тылу врага. В первом же бою (4 августа 1914 г.) отличился казак лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка калмык-казак Александр Абушинов, который, несмотря на ранения, продолжал в упор расстреливать противника. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени. А. Абушинов стал первым из калмыков-казаков георгиевским кавалером Первой мировой войны. Старший урядник Э.Э. Шаратов и казак Даржа (Морма) Абушинов за службу в этом полку были удостоены Георгиевских крестов 4-й и 3-й степени соответственно⁶.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 31. Л. 172.

⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 527–528.

Урядник 19-го Донского казачьего полка С.Н. Бургудуков был награжден Георгиевским крестом 4-й степени в первый же месяц войны – 24 августа 1914 г., а за мужество и находчивость в бою 3 июня 1915 г. был награжден Георгиевским крестом 3-й степени. В 1914–1915 гг. за мужество в боях Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени, георгиевские медали заслужили 18 калмыков-казаков, в том числе старшие урядники Багла Сафонов, Бадьма Илюмжинов, урядники Зара Сафонов, Басан Имжинов, С.Ш. Балданов, Л.А. Кулишов и др. георгиевскими кавалерами трех степеней стали казаки А.П. Шарапов, С.А. Архаков, С.К. Илишкин и др., а полными георгиевскими кавалерами – старшие урядники Церен Джувинов, Леонид Анбушинов, Василий Урхусов (дослужился до хорунжего 9-го Донского казачьего генерала Орлова-Денисова полка), Гулар Нарминов (дослужился до подхорунжего, погиб в Крыму в 1920 г.).

К началу войны на действительной службе в донских военных частях находились 14 калмыков в офицерских званиях, из которых трое дослужились до воинского звания «полковник» (Б.С. Мангатов, Г.Э. Тепкин и А.А. Батырев), а корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка калмыцкий князь Данзан Церенович (Дмитрий Давыдович) Тундутов, адъютант начальника штаба Ставки Н.Н. Янушкевича, в годы Гражданской войны дослужился до звания генерала. Все они были награждены орденами и большинство из них – почетным георгиевским оружием. В наградном документе войскового старшины 19-го Донского казачьего полка Николая Цебиновича Мангатова написано: «Он, командуя офицерским разъездом, определил главное направление германских сил. А в октябре 1914 г. в районе города Прасныша во главе своего разъезда опрокинул эскадрон бессмертных немецких гусар. Представлен он к награждению почетным георгиевским оружием». Войсковой старшина Н.Ц. Мангатов, прикрывая отход своего офицерского разъезда, погиб в ноябре 1914 г. [5, с. 90].

В реляции из приказа № 367 по войскам 5-й армии отмечалось: «Полковник Борис Леонидович Мангатов, командуя частями лавы 2-й и 4-й сотен, пренебрегая своей личной безопасностью, под сильным ружейным огнем одним из первых ворвался на фольварк, увлек примером личной храбрости за собой сотни, чем способствовал дальнейшему продвижению конных частей. Подвиг этот дал возможность завершить атаку полным истреблением противника, захватить трофеи и пленных. После этой атаки соседний стрелковый полк перешел в наступление без единого выстрела»⁷ [6, с. 155].

В Отдельной казачьей сотне (номер не установлен) служил хорунжий Бадьма Бакбушев, награжденный орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, в 34-м Донском казачьем полку – хорунжий Эренжен Дакугинов, заслуживший орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», в 25-м Донском казачьем полку – есаул Андрей (Азман) Батырев (дослужился до полковника), награжденный орденом Св. Георгия 4-й степени и почетным георгиевским оружием и др. [7, с. 70].

Об активном участии в боевых действиях 1914–1916 гг. Первой мировой войны и проявленном мужестве донских казаков свидетельствуют нижеприведенные данные. Донские казачьи дивизии, полки, отдельные и особые сотни, артиллерийские дивизионы в ходе боев пленили 361 офицера и 46 врачей, 28 458 солдат противника, захватили 74 орудия и 109 зарядных ящиков, 117 пулеметов и 21 747 ружей, 6 боевых знамен, 18 автомобилей и 18 аэропланов, 1848 лошадей, большое количество патронов, сабель, штыков и револьверов, телефонных аппаратов, повозок с имуществом военного назначения. При этом они понесли не очень большие потери, которые существенно не отра-

⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 30, 78, 110; Д. 41. Л. 95; Д. 42. Л. 250; Д. 47. Л. 14–15; Д. 81. Л. 106–108.

зились на их боеспособности и моральном состоянии. В 1914–1916 годах Первой мировой войны безвозвратные потери среди офицеров донских казачьих военных частей составили 275 (7,72 %) человек, санитарные части потеряли 786 (24,51 %) офицеров, в рядовом составе потери составили 6 266 (5,7 %) казаков, в санитарных частях – 12 659 (11,4 %) казаков. В числе безвозвратных потерь пропавшие без вести и попавшие в плен составили 2577 человек, в т. ч. 34 калмыка-казака.

В течение 2,5 лет войны (1914–1916 гг.) Войско Донское направило на пополнение донских дивизий, бригад, полков, артдивизионов, отдельных и особых сотен, а также на формирование новых частей 1349 офицеров, 37 960 казаков (36 370 строевых и 1590 нестроевых), в т. ч. 1432 калмыка-казака, поставило 31 327 лошадей [8, с. 202].

В 1914–1916 гг. за ратные подвиги и успешные боевые действия 52 (1,6 %) донских офицера были награждены орденами Св. Георгия 4-й степени (в том числе 2 калмыка) и 129 (4 %) офицеров (в т. ч. 5 калмыков) – почетным георгиевским оружием, 22 057 (19,3 %) казаков (в т. ч. 688 калмыков-казаков, или 17 %) – Георгиевскими крестами 4-й степени и 18 316 (16 %) казаков (в т. ч. 412 калмыков, или 11 %) – георгиевскими медалями [9, с. 92].

Помимо непосредственного участия в боевых действиях на фронтах войны, калмыки в значительном количестве поставили фронту лошадей, иного вида скота, собрали и сдали денежные средства. Астраханские калмыки, располагая в 1914 г. 77 598 лошадьми, донские – 20 535, а также крупным рогатым скотом соответственно – 1 922 878 и 46 530 голов, имели возможность оказывать значительную помощь армии.

С целью организованного сбора и поставки лошадей во всех 9 калмыцких улусных центрах были образованы приемные военно-конские участки. По имеющимся сведениям, только в 1914 г. калмыки сдали по реквизиции 8119 лошадей, 3598 голов крупного рогатого скота, 800 верблюдов. В 1916 г. калмыцкие улусы поставили 3 тыс. лошадей только Кавказской армии. К началу 1917 г. население калмыцких улусов, по далеко не полным данным, поставило в продовольственный фонд армии 52 025 голов крупного рогатого скота, или 32 % всего поголовья волов, коров и бычков старше двух лет⁸.

В связи с трудностями, возникшими в конце 1916 – начале 1917 г. на фронте с продовольственным обеспечением, началась активная реквизиция хлеба в стране. Единственный в Калмыкии зернопроизводящий Большедербетовский улус в 1916–1917 гг. поставил в продовольственный фонд армии более 110 тыс. пудов зерна.

Широкое распространение не только среди калмыков, но и по всей стране получили добровольные пожертвования на нужды армии (денежные средства, скот и т. д.). В июле 1914 г. население Большедербетовского улуса собрало и отправило в фонд на нужды семьям фронтовиков 23 200 руб., а из общественного капитала было выделено на нужды армии 100 тыс. руб. В сентябре 1916 г. рыболовы-калмыки Багутовского аймака Яндыко-Мочажного улуса перед отправкой на тыловые работы в действующую армию перечислили из своего заработка 5810 руб. в адрес государя наследника цесаревича Алексея. На документе, в котором МВД докладывало императору о перечисленных калмыками денег, Николай II собственноручно начертал: «Сердечно благодарю. Деньги направить секретарю гос. имп. Александры Федоровны»⁹.

⁸ Национальный архив Республики Калмыкия (Далее – НА РК). Ф. И-9. Оп. 11. Д. 48. Л. 27–28; Оп. 1. Д. 334. Л. 11–28.

⁹ Государственный архив Астраханской области (Далее – ГА АО). Ф. № Ф-444. Оп. 1. Д. 962. Л. 282 об.; Д. 991. Л. 1–4, 18, 40, 44; Д. 1009. Л. 1, 4.

В связи с успешным выполнением в стране мобилизационных мероприятий император Николай II 12 февраля 1915 г. учредил светло-бронзовую медаль для ношения на груди на ленте ордена Белого орла. Медаль присуждалась лицам военных, морских и гражданских учреждений, участвовавшим в мобилизации, призыве на военную службу, в организации поставок и перевозки грузов. 24 февраля 1915 г. Управление воинской повинности МВД разослало губернаторам и градоначальникам циркуляр № 27 за подписью министра Н. Маклакова с предложением представить к награде лиц, заслуживающих «означенной выше медали за труды по мобилизации 1914 г. по вверенной Вам губернии». По поручению Астраханского губернатора И.Н. Соколовского управляющий калмыцким народом Б.Э. Криштафович представил к награждению 59 человек, в числе которых были 1 коннозаводчик – Улюмджи Лиджиев, заведующие 6 военно-конскими участками, остальные – чиновники Управления калмыцким народом (9 человек), попечители улусов и их помощники, старшины аймаков [10, с. 14].

Подготовка инженерных сооружений, дорог, а также усиление оперативных перевозок

Война показала, что при планировании крупных наступательных стратегических операций требуется тщательная подготовка инженерных сооружений, дорог, траншей и т. д., а также усиление оперативных перевозок. По признанию генерала А.А. Брусилова обнаружилось, что «саперное дело в армии было поставлено скверно». Известный военный историк, генерал-лейтенант А.М. Зайончковский, участник Первой мировой войны отмечал, что Россия вступила в войну почти без инженерной подготовки театра предстоящей борьбы, совершенно неразвитой сетью железных дорог [11, с. 80]. С целью оказания помощи армии Николай II 25 июня 1916 г. подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи в возрасте с 19 до 43 лет на работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». В первую очередь мобилизации на тыловые работы подлежали мужчины «инородческого населения» в возрасте от 19 до 31 года. Сразу же последовало указание МВД во все регионы страны, которым предстояло провести мобилизацию инородцев на тыловые работы. В том числе астраханскому и ставропольскому губернаторам с требованием выполнить царский указ «в кратчайший срок» по привлечению в реквизиционном порядке на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи [12, с. 307].

В соответствии с указом императора штаб Верховного главнокомандующего 14 июля 1916 г. дал указание Управлениям снабжения фронтов подготовиться к приему «реквизируемых инородцев для выполнения оборонительных, дорожных и других работ». На всех фронтах были определены пункты приема и количество направляемых людей. По плану должны были призвать инородцев на тыловые работы: из Закаспийской области – 15 тыс., из Самаркандской области – 38 тыс., из Ферганской области – 50 тыс. человек, из Астраханской губернии – 44 тыс. калмыков и киргизов. Кроме того, предполагалось для нужд Фронтостроя в первую очередь доставить 27 тыс. киргизов из Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, 2 тыс. туркмен из Закаспийской области, 1 тыс. осетин из Дагестана. Всего на военные тыловые работы должны были привлечь до 500 тыс. инородцев¹⁰.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 3, 11, 15, 20.

Однако в связи с неподготовленностью в армиях к приему огромного количества рабочих призыв инородцев на военные тыловые работы был отсрочен под видом проведения торжеств по случаю дня рождения государя наследника цесаревича Алексея до середины сентября 1916 г.

В соответствии с численностью населения калмыцким улусам предстояло мобилизовать на прифронтовые тыловые работы до 15 тыс. человек. С 15 сентября до 1 декабря 1916 г. врачебно-призывные комиссии улусов мобилизовали в Астраханский врачебно-наблюдательный пункт для направления на тыловые работы 12 618 калмыков в возрасте от 19 до 31 года. Из них по распоряжению астраханского губернатора получили отсрочку 1392 человека – одни по болезни, другие из-за работы пастухами, чабанами, на рыбных промыслах, заготовках для армии скота, сена и т. д. Кроме того, по ходатайству астраханского губернатора И.Н. Соколовского МВД разрешило оставить в качестве рабочей силы в губернии 3,5 тыс. калмыков взамен мобилизованных на войну мужчин славянской национальности [1, с. 226].

Вскоре стало известно о бедственном положении мобилизованных на тыловые работы калмыков в действующей армии. Они испытывали острую нужду в теплой одежде, продуктах питания, лечении. В аналогичной ситуации оказались, по заключению Главного комитета союза городов, «все вообще инородцы, призванные к тыловым работам, и в соседнем Дагестане» [2, с. 192]. Калмыцкие улусы, не ожидая решений официальных властей, начали делегировать в 1916–1917 гг. представителей аймаков для доставки теплой одежды, обуви, продуктов питания односельчанам, находящимся на тыловых работах в «инородческих рабочих партиях» в разных прифронтовых губерниях (Ревельской, Минской, Волынской и др.) – в основном в армиях Юго-Западного фронта. Мобилизованные калмыки из Большедербетовского улуса использовались в основном на транспортных работах в Кавказской армии в г. Карсе. Несмотря на приказ № 183 Военного министерства от 6 апреля 1917 г. об ограничении въезда в прифронтовые районы, а также постановление Временного правительства от 5 мая 1917 г. о демобилизации с тыловых работ инородцев, калмыцкие аймаки не прекращали доставку материальной помощи мобилизованным односельчанам вплоть до конца октября 1917 года.

Заключение

Таким образом, вместе с другими народами страны в Первой мировой войне приняли участие и калмыки – как в боевых действиях, так и на военных тыловых работах. Они оказали значительную помощь фронту лошадьми и другими видами скота, продовольствием, денежными средствами. Но реквизиции скота в существенных размерах привели к наступлению стагнации в их экономике (животноводстве), а в последующие годы – к катастрофическому ее спаду. В калмыцких станицах Дона и калмыцких улусах Астраханской губернии резко ухудшилась демографическая ситуация. Однако нахождение калмыков в боевых частях, на тыловых работах в прифронтовой полосе, общение с революционно настроенными солдатами, происходившие общественно-политические процессы в стране и т. д. существенно повлияли на формирование их мировоззрения, политических взглядов. Впоследствии многие из них оказались втянутыми в водоворот революционных событий, приведших в бифуркационное состояние калмыцкие общества как в Астраханской губернии, так в области Войска Донского.

Литература

1. Ануфриев А.В., Козлов Д.В., Каба Э. Военные заключенные и женщины: между лояльностью и заключением (гендерные аспекты пленности в Первой мировой войне) // Известия лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17, № 1 (38). – С. 226–239.
2. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. – М., 2014. – 202 с.
3. Гарунова Н.Н., Базна (Подмогильная) И.А. Развитие агропромышленной инфраструктуры Предкавказья в контексте процессов вовлечения региона в сферу геополитических интересов России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Ставропольской губернии и Терской области) // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 4. – С. 19–24.
4. Зотова А.В., Полторак С.Н. К 100-летию Брест-Литовского договора: зарубежные источники // Вопросы истории. – 2019. – № 1. – С. 150–161. – Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/52734322>.
5. Ефимова Е.А., Захаров А.В. Экономический кризис и проблема ценообразования в условиях Первой мировой войны // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.И. Бегинина, Е.Б. Дудниковой. – Саратов, 2015. – С. 86–93.
6. Магарамов Ш.А. Борьба мировых держав за господство над Западными «воротами» Каспия // Вопросы истории. – 2019. – № 2. – С. 151–157. – Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/52734346>.
7. Медоваров М.В. Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 69–77.
8. Новиков В.В. Грузинская демократическая республика 1918–1921 гг. в современной российской историографии // Российская история. – 2021. – № 1. – С. 201–203.
9. Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год (1-я часть военная). – Новочеркасск, 1915. – 112 с.
10. Соболев М.П. Первая мировая война глазами ученых и молодых исследователей Беларуси и России // Актуальные вопросы образования и науки. – 2015. – № 1–2 (47–48). – С. 14–15.
11. Треушников И.А. Смысл войны (диалог представителей философии всеединства периода Первой мировой войны) // Соловьевские исследования. – 2016. – № 1 (49). – С. 76–84.
12. Федорова А.Ю. Сравнение экономических показателей Российской империи до и после Первой мировой войны // Инновационная наука. – 2015. – Т. 1, № 5 (5). – С. 307–309.

References

1. Anufriev A.V., Kozlov D.V., Kaba E. Military prisoners and women: between loyalty and imprisonment (gender aspects of captivity in the First World War) // News of the laboratory of ancient technologies. – 2021. – Т. 17, No. 1 (38). – Pp. 226–239.
2. Astashov A.B. Russian front in 1914 – early 1917: military experience and modernity. – M., 2014. – 202 p.
3. Garunova N.N., Bazna (Podmogilnaya) I.A. Development of the agro-industrial infrastructure of the Ciscaucasia in the context of the processes of involving the region in the

sphere of Russia's geopolitical interests in the second half of the 19th – early 20th centuries. (on the example of the Stavropol province and the Terek region) // Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities. – 2018. – Vol. 33, issue 4. – Pp. 19–24.

4. Zotova A.V., Poltorak S.N. To the 100th anniversary of the Brest-Litovsk Treaty: foreign sources // Questions of history. – 2019. – No. 1. – Pp. 150–161. <https://dlib.eastview.com/browse/doc/52734322>.

5. Efimova E.A., Zakharov A.V. The economic crisis and the problem of pricing in the conditions of the First World War. // Actual problems of modern humanitarian knowledge. Interuniversity collection of scientific papers. Edited by V.I. Beginin, E.B. Dudnikova. Saratov, 2015. Pp. 86–93.

6. Magaramov Sh.A. The struggle of the world powers for domination over the Western "gates" of the Caspian // Questions of history. – 2019. – No. 2. – Pp. 151–157. <https://dlib.eastview.com/browse/doc/52734346>.

7. Medovarov M.V. The crisis of Austria-Hungary and Russian conservative thought on the eve of the First World War // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. – 2015. – No. 1. – Pp. 69–77.

8. Novikov V.V. Georgian Democratic Republic 1918–1921 in modern Russian historiography // Russian history. – 2021. – № 1. – Pp. 201–203.

9. Report of the military order chieftain about the state of the region of the Donskoy army for 1914 (1st part of the military). – Novochoerkassk, 1915. – 112 p.

10. Sobolev M.P. The First World War through the eyes of scientists and young researchers of Belarus and Russia // Actual problems of education and science. – 2015. – No. 1–2 (47–48). – Pp. 14–15.

11. Treushnikov I.A. The meaning of war (dialogue of representatives of the philosophy of all-unity of the period of the First World War) // Solov'evskie issledovaniya. – 2016. – No. 1 (49). – Pp. 76–84.

12. Fedorova A.Yu. comparison of economic indicators of the Russian Empire before and after the First World War // Innovative Science. – 2015. – T. 1, No. 5 (5). – Pp. 307–309.

Поступила в редакцию 12 марта 2021 г.

UDC336.71

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-3-45–53

Kalmyks Participation in the First World War

K.N. Maksimov

Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS; Republic of Kalmykia, Elista, Ilishkin st., 8; maximov.maxim92@yandex.ru

The question of the participation of Kalmyks together with other peoples of the country in the First World War in hostilities and military logistic work is raised. The question of assistance that they provided to the front with supplies of horses and other livestock, food and money is considered. However, the presence of Kalmyks in combat, in the rear, work on the front line, their communication with revolutionary-minded soldiers, the socio-political processes taking place in the country and the

army had a great influence on the formation of their worldview and political views. Attention is drawn to the fact that according to the mobilization plan, the Don military combat units performed in a timely manner and were in the established deployment locations as part of the formations of the North-Western and South-Western fronts. Kalmyks-Cossacks, not distinguished by ethnicity, served in almost all Don Cossack regiments and other military units. Later many of them were drawn into the whirlpool of revolutionary events that led to the split of the Kalmyk community in the Astrakhan province, as well as in the Don Cossacks.

Keywords: *Kalmyks, Cossack regiment, war, Russia, revolution.*

Received 12 March 2021